

ние животных. В искусстве Грузии и Северного Кавказа эпохи бронзы олень изображается очень часто. По стилю ближайшую аналогию к этим оленям находим на чаше из Майкопа. Трактовка животных на описываемой чаше несколько суше по линиям, чем на майкопской чаше, что объясняет я более поздней эпохой, отраженной в предметах, найденных в Триалети. Майкопская чаша дает более реалистическую и расширенную композицию: пейзаж, реки и довольно правильные очертания Главного хребта Кавказских гор.

Триалетский кубок показывает следующий этап развития искусства, когда уже введен прием фризовой композиции, ритм в постановке фигур, условность в передаче движения; только в трактовке животных нижнего фриза сохранились реалистические черты, характерные для искусства майкопской чаши. В 1938 г. во время раскопок в Триалети было найдено серебряное ведро, на котором представлена сложная композиция охоты (рис. 3—4). Композиция развернута свободно, не замыкается рамками фризовой схемы и покрывает всю поверхность ведра. Утрачены значительные куски, но схема в целом ясна. Животные по стилю очень близки к изображениям животных нижнего ряда серебряного кубка.

Сюжет, представленный на ведре, обычен на обивках поясов эпохи начала поздней бронзы, что дает возможность уточнить датировку. Но при этом следует отметить, что животные на обивках поясов изображены более схематично и суше, чем на ведре и кубках Триалети, на которых ярко выступают черты реализма, придавая им большую жизненность.

Триалетский кубок и ведро по тематике и стилистическому характеру являются ценнейшими найденными на территории Грузии памятниками древнего искусства, которые генетически связаны с древнейшим искусством Кавказа, известным по раскопкам; оба памятника генетически связаны с культурой Майкопского кургана, представляя собой следующий этап развития последней, и вместе с тем с древнейшими очагами культуры древнего Востока. Оба памятника, несомненно, принадлежат к эпохе, предшествовавшей образованию урартской государственности, не раньше расцвета микенской культуры.

Ш. Я. Амирнанишвили

Алтай в скифское время

(Маймирская культура)

Раскопки последних лет ведшиеся, главным образом, Бийским музеем, открыли на Алтае памятники поздней бронзы, представляющие своеобразный местный вариант карасукской культуры Минусинской котловины¹. К сожалению, скудость их инвентаря не позволяет пока представить полный очерк культурного развития алтайских племен в ту эпоху. В частности, нам ничего не известно об изобразительном искусстве алтайских карасуков. Однако есть основание считать, что и на Алтае, так же как и на Енисее, в Прибайкалье и Северном Китае, звериные изображения, столь излюбленные в последующее время, получили свое разви-

¹ О карасукской культуре см. С. А. Теплоухов, «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края» [«Материалы по этнографии», т. IV (1929), вып. 2], его же, «Древние погребения в Минусинском крае [там же, т. III (1927), вып. 2]; С. В. Киселев, «Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1935 гг.» [«Советская Археология», т. 3 (1937), стр. 137—166]; его же, «Семантика орнамента Карасукских стел» («Изв. ГАИМК», вып. 100, стр. 280), его же, Отчет об археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., Минусинск, 1929. О тагарской культуре см. эти же работы, а также С. В. Киселев, Тагарская культура (труды Секции археологии, вып. IV, М. 1929).

тие еще в карасукскую эпоху. На это указывает находка, сделанная С. М. Сергеевым в кургане № 2 Березовского могильника на р. Кагуни. Все курганы этого могильника по инвентарю и прежде всего по керамике должны быть отнесены по енисейской классификации и раннетагарскому времени (VII—V вв. до н.э.) Но они сохраняют и более архаические черты, прежде всего в погребальном обряде. Все костяки, уцелевшие от грабителей, лежали на боку, в скорченном положении, напоминая об обрядности бронзового века. Курган № 2 был особенно архаичен¹. При скорченном скелете женщины там оказался массивный бронзовый нож с полушарной шляпкой на рукоятке и с отогнутой назад концевой частью клинка. Все это придает ножу явно карасукский облик. Вместе с этим архаическим ножом костяная палочка, украшенная наверху резной головкой лошади. Вытянутая морда и расположение несколько вверх от вертикали палочки сближает эту головку опять же с карасукскими скульптурами, украшающими изверсия коленчатых ножей Минусинска, Прибайкалья и Ордоса.

Так намечается и для звериного орнамента Алтая, столь богато представленного на памятниках скифо-тагарского времени, древняя, еще карасукская основа.

Послекарасукское развитие культуры алтайских племен во многом совпадает с тагарским на Енисее. Его первые шаги удалось проследить благодаря раскопкам, произведенным А. В. Адриановым в Майэмирской степи у истоков Нарыма, а также в верховьях Бухтармы, под Солонечным белком и у с. Черновая². В этих местностях, наряду с широко известными на Алтае более поздними курганами, насыпанными из чистого камня, оказались курганы, сложенные из крупных обломков скалы, пересыпанных землей. Под курганами открывались четырехугольные ямы длиной с З. на В. до 2,05 м, шириной до 1,5 м и глубиной до 2,57 м. Южная половина могилы обычно была вырыта до полной глубины, и на дне ее стоял сруб из деревянных лиственничных плах высотой до 0,85 м, покрытый узкими плашками. Северная половина могилы была более мелкой. Ее дно находилось на уровне верхнего края сруба. Судя по остаткам, уцелевшим от грабителей, нарушивших все погребения, раскопанные Адриановым, в северной части могилы лежали одна или две лошади головой на запад. В срубах же находились остатки человека. При покойниках и лошадях были собраны следующие вещи:

Бронзовый нож, дугообразно обушковый, украшенный сверху протомой хищника, выполненной с типичной для раннетагарских скульптур массивностью форм³.

Костяное трехгранное шило, также украшенное сверху фигуркой зверя, вырезанного в раннетагарской манере⁴.

Точильные бруски из яшмы и песчаника имели четырехгранную форму с отверстием для подвешивания⁵. Подобные бруски изредка встречаются в раннетагарских курганах и особенно распространены на Алтае и в Приуралье в курганах скифо-сарматского времени.

Два бронзовых зеркала дисковидны и отличаются высоким бортиком, идущим по краю со стороны дужки⁶. Описывая тагарские зеркала, мы уже отмечали, что эта особенность—бортик по краю—характерна для древнейших зеркал. В Скифии такие зеркала датируются VII—VI в.⁷ Третье зеркало имеет ушко сбоку. Его края прорез-

¹ Хранится в Гос. Эрмитаже, Отдел первобытной культуры, инв. № 253, № 1 и 2.

² А. В. Адрианов, К археологии зап. Алтая (ИАК, вып. 62); С. И. Руденко, К палеоантропологии Ю. Алтая («Казак», Лгр., 1930); М. П. Грязнов, Древние культуры Алтая, стр. 6—7.

³ С. И. Руденко, К палеоантропологии Южн. Алтая, фиг. 1, 1.

⁴ Там же, фиг. 1, 4.

⁵ Там же, фиг. 1, 2, 3.

⁶ Там же, фиг. 2.

⁷ Б. О. Рабинович, О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднестровья («Сов. Археология», № 1, стр. 79—100).

ные, украшенные как бы ажурными завитками. Однако в этом ажуре легко увидеть стилизацию подкрадывающегося хищника или дракона—мотив, характерный для севернокитайского искусства позднечжоусской поры¹.

Бронзовые стрелы, трехперые, со слгга округленными гранями. Все они черешковые². Ближайшей их аналогией является черешковая бронзовая стрела, найденная мною в раннеагарском кургане № 1 у с. Кочергино в погребении I вместе с бронзовыми же втульчатыми наконечниками: трехперым-треугольным и трехперым-овальным. Скифские аналогии последних датируются VII—VI вв.; в V в. они начинают превращаться в пирамидальные³. Близки к Майэмирским и черешковые бронзовые стрелы из савроматских погребений близ с. Покровка, около Чкалова, V в. до н. э. Однако покровские уже более вытянуты, хотя и не утратили еще округленности гравей⁴.

Костяные стрелы, найденные Адриановым, все черешковые, трехгранные. Они явно подражают бронзовым⁵.

Не менее замечательны принадлежности с б р у и, найденные Адриановым при останках коней. Особый интерес здесь представляют бронзовые удила, двусоставные, со стремиянообразными концевыми ушками⁶. Они точно воспроизводят архаический тип скифских удила VII—VI вв.

Совершенно оригинальны найденные при удилах п с а л и и в виде бронзовой развилки. Уздечные ремни, скрученные в круглый жгут, были унизаны бронзовыми боченковидными бусинами и обоямами с отверстиями для прикрытия ременных скрещений⁷. Среди них одна обращает особое внимание (Черное, к. № 2). Несмотря на то, что она вырезана из рога, она представляет миниатюрное воспроизведение набалдашпиков из Мельгуновского кургана VII—VI вв. до н. э.⁸

Типичным украшением уздечки этих древнейших на Алтае погребений с конем являлись также к а б а н ь и к л ы к и. У корня они просверлены крестообразно, очевидно для закрепления на уздечных ремнях⁹.

Здесь же по бокам лошади находились бронзовые пряжки с неподвижным запором—крючком спереди. Этот тип затем надолго остается господствующим на Алтае в скифо-сарматское время¹⁰.

Кроме этих вещей из курганных раскопок Адрианова, в тот же комплекс должна быть включена и еще одна его находка.

В Майэмирской степи, к юго-западу от кургана № 2, находилась овальная площадка, обставленная семью массивными каменными глыбами. Раскопки на самой площадке показали, что она не имеет каких-либо нарушений природной почвы. Зато при извлечении самой большой глыбы белого кварца был найден комок слэжавшихся предметов. Среди них оказались:

Бронзовые удила, двусоставные со стремиянообразными ушками, совершенно аналогичные найденным в курганах¹¹. Их также датируют скифские аналогии VII—VI вв. до н. э.

¹ «3000 years of Chinese Jade», New-York, 1939, № 154, 176; A. S a l m o n u. Sino-Siberian Art, Paris, 1933; pl. XLI, fig. 5.

² С. И. Руденко, ук. соч., фиг. 1, 5.

³ P. R a u, Die Gräber der früheren Eisenzeit, Taf. XIII, M. I, E, IV, 2, A.

⁴ «Мат. по Археол. России», № 37, табл. VI, рис. 19—22.

⁵ С. И. Руденко, ук. соч., фиг. 1, 8.

⁶ Там же, фиг. 4, 2.

⁷ Там же, фиг. 4, 6, 8.

⁸ Там же, фиг. 4, 7 (рисунок неточный), ср. МАР № 31, табл. 1.

⁹ Там же, фиг. 4, 3.

¹⁰ Там же, фиг. 1, 6.

¹¹ Там же, фиг. 4, 2.

Массивный бронзовый кружок с глубокими выемками вокруг среднего отверстия. По размеру (диаметр 2,7 см) и форме этот кружок напоминает находимые в раннетагарских курганах¹.

Оригинальна наременная бронзовая бляшка в виде «запятой», укреплявшаяся на ремне при помощи стерженька, напоминающего современную запонку.

Пять золотых выпуклых округлых пластин, вложенных одна в другую, были украшены одним и тем же изображением свернувшегося в кольцо хищника². Судя по небольшой высоте рельефа почти линейного рисунка, можно предполагать, что пластины были набиты на бронзовую основу. Это подтверждает и находка вместе с ними бронзовой головки длинноклювой птицы, обложенной такой же золотой пластинкой. Стиль всех изображений весьма близок к обнаруженным на раннетагарских вещах из Минусинских курганов. Вместе с ними они находят себе аналогии в наиболее архаичных скифских изображениях свернувшихся хищников, лапы которых еще лишены позднейшей ажурности³.

Толщина золотой пластинки также служит показателем древности. Позднее в эпоху господства хунну, на Алтае будут пользоваться гораздо более тонкими, настоящими листками золота. То же наблюдается и в Минусинской котловине—бронзовые бляшки из древнетагарских курганов обложены массивными золотыми пластинками, а позднейшие тагарские украшения из глины, дерева или кожи покрыты тончайшими золотыми листками.

Подытоживая наблюдения над адриановскими находками, можно сказать, что послекарасукское время на Алтае характеризуется развитием форм, весьма близких к древнетагарским. Как и для последних, для них характерно наличие, наряду с местными типами вещей и изображений, многих особенностей, близких к скифским архаической поры. Особенною алтайских курганов VII—VI вв., очевидно, является погребение вместе с конем. Это сохраняется на тысячелетия. Характерно, что и здесь, как и в древнетагарских курганах Минусинской котловины, нет железа.

М. П. Грязнов предложил называть алтайские древности типа адриановских майэмирскими, видя в них отражение определенного этапа в истории культуры алтайских племен⁴. Нет никаких причин с этим не соглашаться.

Случайные находки, сделанные на Алтае, еще более убеждают в необыкновенной близости майэмирских древностей к тагарским. Бронзовые ножи, кельты, наконечники стрел, хранящиеся в Бийском, Барнаульском и Семипалатинском музеях, принадлежат к древнетагарским типам. О том же говорят и находки на алтайских стоянках майэмирского времени.

Раскопанные М. П. Грязновым две стоянки около с. Большереченского содержали наслоения, целиком принадлежавшие к майэмирским⁵. В них находились в большом числе чешуя и кости рыб, множество костей благородного оленя, соболя, выдры, лисицы, волка, зайца и косули, а также, но в меньшем количестве, кости лошади, коровы, овцы и собаки. Скотоводство, рыболовство и промысловая охота являлись, таким образом, необходимыми источниками существования майэмирского населения алтайских предгорий. О земледелии пока сведений нет. Однако обилие керамики как будто указывает на значительную оседлость, причиной которой могло быть земледелие.

Керамика большереченских стоянок по своей форме (главным образом, баночные сосуды), по орнаментации (в которую особенно часто входит ряд выпуклостей, выделенных изнутри вдоль бортика) и по качеству теста (после обжига коричневого или темного цвета) ближайшим образом напоминает древнетагарскую Минусинской котловины⁶. На древность Большереченских стоянок указывают и находки бронзовых

¹ А. В. Адрианов, К археологии Зап. Алтая, ИАК, 62, стр. 58.

² Там же, рис. 29 и С. И. Руденко, ук. соч., фиг. 5.

М. Rostovtzeff, The Animal Style, 1929, pl. VI, 3; VIII, 2, 3.

⁴ «История народов СССР», изд. ИИМК АН СССР, на правах рукописи, стр. 400.

⁵ М. П. Грязнов, Древние культуры Алтая, стр. 6—7.

⁶ Там же, рис. 66, 67.

изделий. Массивные пластинчатые ножи—однодырчатый и двудырчатый даже примитивнее древнейших тагарских. То же можно сказать и о бронзовом четырехгранном шиле без головки. На архаизм указывают и находки двух бронзовых втульчатых плоских стрел—ромбической и ромбическо-шипастой, близких к скифским VII—VI вв., а также к древнейшим тагарским¹.

*

Следующий этап культурного развития алтайских племен следует считать второй стадией майэмирской культуры. В этом я расхожусь с М. П. Грязновым, считающим ее памятники одновременными пазырыкским². Однако сейчас мы увидим их сродство с древнейшими майэмирскими, а впоследствии убедимся в более позднем времени и глубоком отличии от них пазырыкских.

Позднемайэмирские памятники объединяет с древнейшими майэмирскими прежде всего полное сохранение курганной конструкции и обряда. Наиболее детально это удалось выяснить при раскопках в 1937 г. 4 курганов у с. Туяхта на р. Урсулэ³.

Все четыре кургана (№ 6, 8, 10 и 11) представляли собою округлые насыпи высотой до 0,7 м и диаметром до 12 м. Они были сложены из крупных обломков скалы, весом до 30—40 кг, обильно пересыпанных землей. Благодаря этому снаружи курганы были сплошь задернованы и резко отличались от соседних огромных, больших и мелких курганов пазырыкского типа, насыпанных из чистого, более мелкого камня и поэтому лишенных растительности. Зато всеми особенностями туяхтинские курганы сходны с майэмирскими. Под насыпью, в которой можно было проследить начало грабительского хода, открывалась четырехугольная яма длиной с З на В до 2,95 м, шириной до 2 м и глубиной до 3,5 м. Дно ямы не всегда было ровным. В кургане № 6 южная половина ямы была глубже северной на 12 см, а в кургане № 8—на 65 см.

В более глубоких южных частях ям этих курганов были открыты остатки срубов из лиственничных плах, покрытых лиственничной корой так, что покрытие находилось на одном уровне с дном более мелкой северной половины. В северной части в обоих случаях лежал костяк коня хвостом на запад.

Такая обстановка погребения вполне совпадает с обнаруженной Адриановым в Майэмире, под Солонечным белком и у д. Черновой.

В курганах № 10 и 11 дно ямы было ровным. Срубы стояли различно. В кургане № 11 сруб стоял поперек в южной части могилы, но так, что пространство между ним и стенкой ямы оставалось не только с северной, но и с западной стороны. С обеих сторон лежало по коню. Северный конь, как и в первых курганах, лежал хвостом на запад, а западный конь—хвостом на юг. В кургане № 10 сруб занимал всю ширину ямы, и узкое пространство оставалось лишь вдоль западной стенки. Туда и был втиснут конь, положенный хвостом на юг. Большую сложность придавала погребениям № 10 и 11 также обкладка срубов крупными камнями.

Однако отмеченные особенности мало чем отличают курганы № 10 и 11 от № 6 и 8. Инвентарь также оправдывает их объединение в одну группу.

К сожалению, все четыре кургана пострадали от грабителей, проникших через вертикальный узкий лаз в ерубы. Благодаря этому все погребения людей были нарушены. Лишь в одном случае удалось установить положение покойника. В кургане № 6 он лежал головой на восток скорченно на правом боку (рис. 1).

¹ Там же, рис. 53—56, 58—63.

² «История народов СССР», изд. ИИМК АН СССР, стр. 402.

³ Отчет не напечатан, краткие сведения см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 237. Вещи хранятся в Гос. историческом музее, инв. № 79601.

В связи с этим следует учесть, что скорченное положение покойников не было свойственно последующим пазырыкским курганам Алтая и является поздним пережитком обычаев бронзового века.

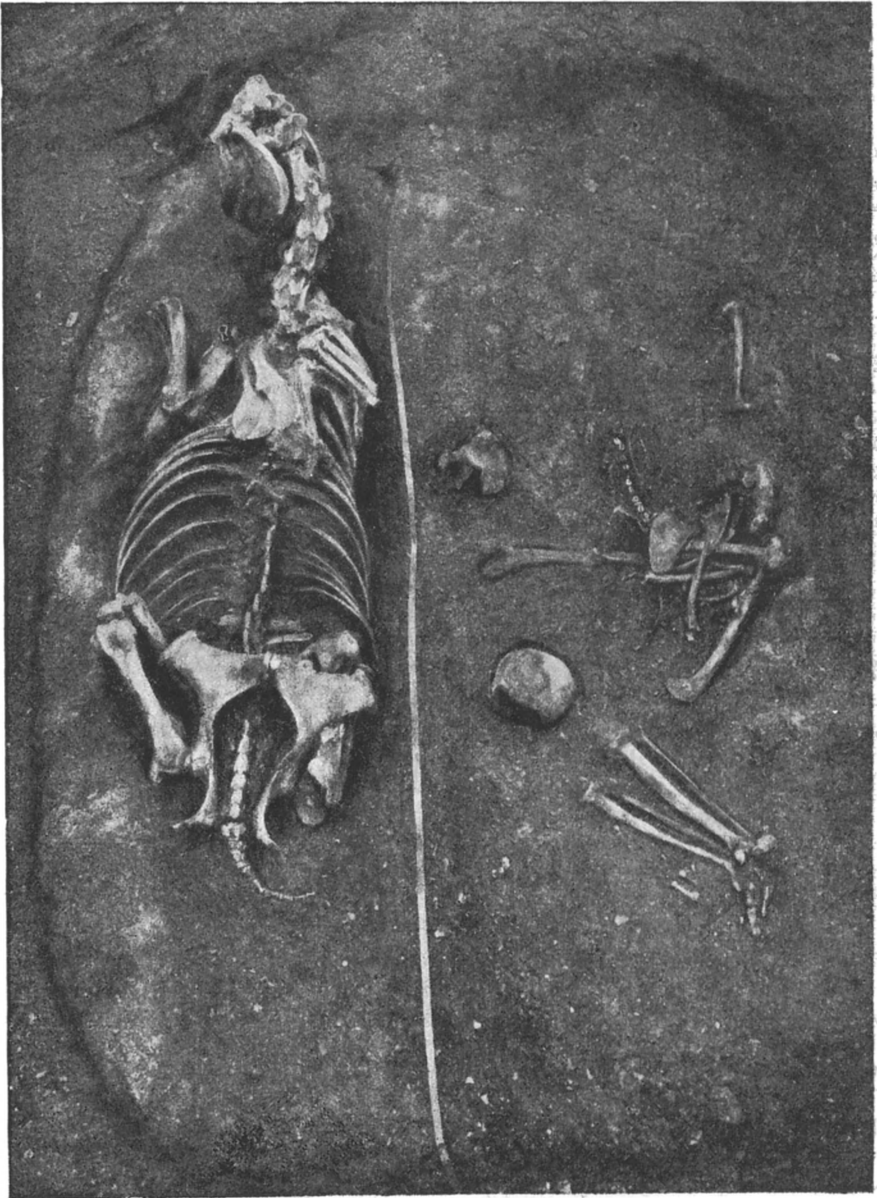

Рис. 4. Погребение в кургане № 6 у с. Туяхта (Алтай).

Вещи, найденные в срубах четырех туяхтинских курганов, немногочисленны, но очень интересны.

Прежде всего отмечу находки двух железных кинжалов. Оба они имели крыловидное перекрестье скифского акинака. Навершия же были различны.

У одного нужно предполагать сходство с крестовыми кинжалами Минусинска¹, у другого навершие было или в виде рогов, или обращенных друг к другу головок грифов (рис. 2). Сильная ржавчина не позволяет полностью восстанавливать эти кинжалы. Можно лишь заметить, что они совершенно песхожи с изящными, легкими тагарскими кинжалами. Они гораздо ближе к массивным акинакам персепольских рельефов³.

В кургане № 11 найден массивный параболический вток с остатками деревянной рукоятки. Он свидетельствует о наличии у майэмирцев наряду с кинжалом также и типичного тагарского оружия—клевца. По своей форме туяхтинский вток ближе к древнейшим тагарским, например, из моих раскопок в Сыде (курган № 8).

В двух курганах нашлись бронзовые наконечники стрел. В кургане № 6 они обнаружены в обрывках кожаного колчана, лежавшего к югу от колен мужчины. Все шесть наконечников—бронзовые, втульчатые, трехгранные. Грани совершенно плоские, сходящиеся к острию несколько округленно. В основании граней имеется глубокий дугообразный вырез (рис. 3, б). Среди известных мне сибирских стрел эти наконечники не встречаются. Редки они и в южнорусских степях. П. Рау указал лишь одну находку весьма сходной стрелы в архаическом комплексе из Магнитной станции⁴.

В кургане № 11 оказалось всего 2 стрелы. Они также втульчатые, трехгранные и имеют дугообразные вырезы в основании. Но их отличает более сложный профиль—расширение от острия к середине грани, затем сужение и новое расширение книзу. При этом жальца несколько торчат наружу (рис. 3, а). Это также весьма редкий тип стрелы. В Сибири известен лишь один наконечник, но и он отличается более вытянутыми размерами⁵. В Скифии точных аналогий туяхтинскому наконечнику нет. Близкие по профилю отличаются ребристостью граней. Считаю, однако, существенным, что скифские наконечники туяхтинского профиля появляются впервые в V в. (Кара-Меркит⁶). Позднее они встречаются вплоть до III в. (Чмырева могила⁷). Кроме того показательны их изменения на протяжении двух столетий. Позднейшие имеют втулку, выступающую ниже торчавших в стороны жалец⁸. Только среди наконечников V в. встречаются наиболее близкие к туяхтинским, без выступающей втулки, заканчивающиеся такими же дугообразными вырезами между жалец⁹.

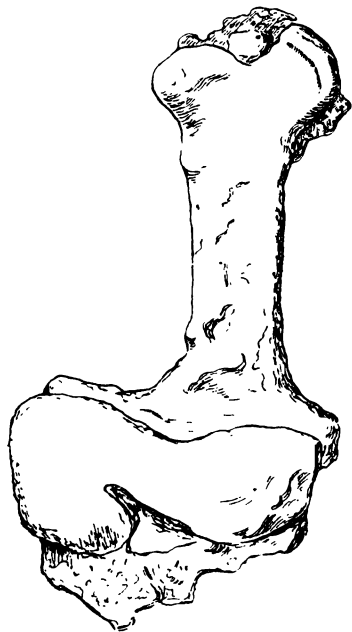

Рис. 2. Рукоятка акинака из кургана № 11 у с. Туяхта (Алтай). 1/3 н. в.

¹ Курган № 8; хранится в ГИМ, № 79601.

² Курган № 11; хранится там же.

³ Herzfeld, *Iran and the ancient East*, pl. XLI.

⁴ P. Rau, *Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk 1929*, Taf. XVIII, 1, L.

⁵ Хранится в Томском университете, № 5—20.

⁶ P. Rau, *ук. соч.*, табл. VII, 1, A.

⁷ Там же, табл. IX, 2.

⁸ Чмырева могила, Малая Лепатиха, Шульговка (там же, табл. IX—XI).

⁹ Кара-Меркит (там же, VII, I). Аналогичные стрелы найдены в сокровищнице Персеполя, датруемой монетами с конца VI по IV в. до н. э. C. F. Schmidt, *The Treasury of Persepolis, Chicago, 1939*, стр. 47, fig. 28.

Костяные наконечники стрел все трехгранные, черенковые, широко распространенных в Сибири форм.

Железный крюк, найденный возле рукоятки меча в кургане № 11, очевидно, служил для подвешивания ножен к поясу. Его форма очень близка к бронзовым крюкам, найденным в других позднемайэмских курганах Алтая.

От поясов, на которых носился меч, уцелели лишь разрозненные части. Ремни были украшены коническими бронзовыми бляхами и четырехугольными обоями (рис. 3, *e* и 5, *c*). Они еще встретятся нам в других позднемайэмских курганах Алтая. Конические бляхи имеют сходство с тагарскими первой стадии¹.

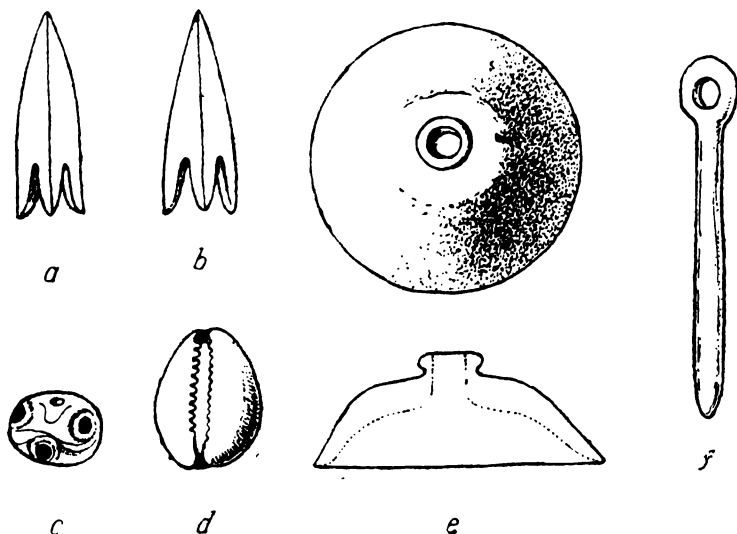

Рис. 3. Вещи из курганов у с. Туяхта (Алтай). 1/2 н. в.

На поясе же, вероятно, висели бронзовые и костяные костьюльки каплевидной формы (рис. 3, *f*). Их бытование на Алтае очень длительно. Позднейшие, сильно укороченные встречены в Кудыргинском могильнике V—VI вв. н. э.² Значительное их число найдено в Ордосе³.

Сохранившаяся в кургане № 6 стеклянная реповидная бусина (рис. 3, *c*) имеет фон кремового цвета и синие глазки, окруженные белыми обводами, соединенными между собой усиками. По образцам, опубликованным Kisa, она может быть отнесена к бусам, датируемым «доримским периодом»⁴.

В том же кургане уцелели украшения в виде ряда просверленных в двух местах для нашивки 11 раковин *Surea moneta* (рис. 3, *d*). Мы встречали пастовые подражания этим раковинам среди тагарских находок. В Минусинской котловине определенно устанавливается появление этих украшений только во второй тагарской стадии, в погребениях не древнее конца V в. до н. э. На это же время указывает их находка в курганах с. Покровка под Оренбургом⁵.

Конская сбруя, найденная в туяхтинских курганах, состоит из остатков седельных ремней и пряжек, а также из уздечных украшений, блях и удила с псалиями.

¹ Самохвал, курган № 5, погр. 1. Хранится в ГИМ.

² С. Руденко, А. Глухов, Могильник Кудыргэ на Алтае («Мат. по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, рис. 15, 5—9).

³ «Archaeologia Orientalis», B. Series, vol. I, Tokyo, 1935, pl. XVIII, 1, 3, 4; XIX, 6.

⁴ Kisa, Das Glas, Bd. II.

⁵ МАР, № 37, табл. VI, 15.

Удила все кольчатые. Четверо из них железные (рис. 4) и только одни бронзовые. Они совершенно сходны со скифскими железными, распространяющимися с VI в. до н. э.¹ Псалии железных удил все прямые, с утолщениями по концам и с двумя отверстиями посередине. Этим они отличаются от древнейших майэмирских бронзовых псалий, имевших три отверстия. Бронзовые удила снабжены изогнутыми псалиями, известными в скифское время с VI в. до н. э.²

К сожалению, большинство уздечек распалось, и восстановление их гадательно. Можно только сказать, что скрещения их ремней были украшены кабаньими клыками, имевшими в корневой части две, три или четыре сверлины. Кабаньи клыки найдены во всех четырех туяхтинских курганах и могут считаться характерными для майэмир-

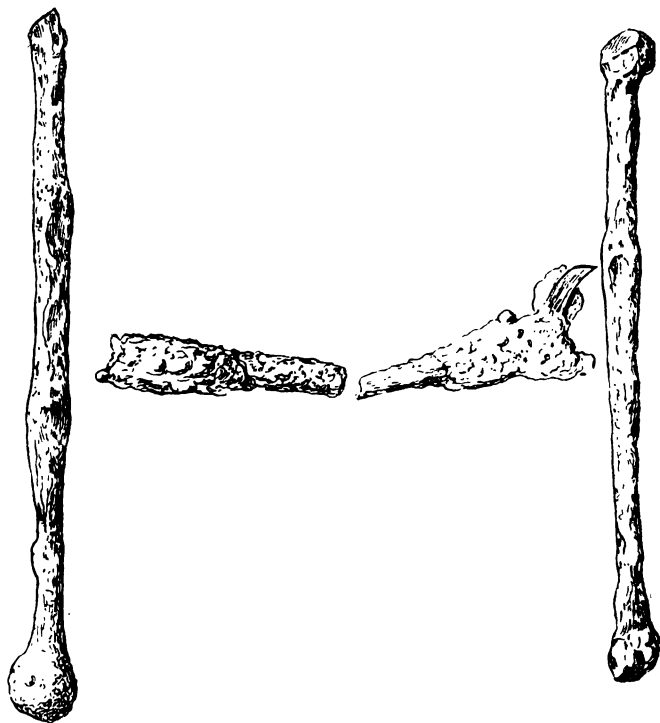

Рис. 4. Железные удила из кургана у с. Туяхта (Алтай). 1/3 н. в.

ских древностей (рис. 5, б). Узда с бронзовыми удилами и псалиями, украшенная бронзовыми же бляхами, счастливо сохранила их первоначальное расположение и может быть восстановлена в следующем виде (рис. 6). На носу оказалась бляшка-обойма, сквозь четыре отверстия которой были продеты ремни, шедшие вверх и в обе стороны вбок. Эти боковые ремни шли к паре бляшек, расположенных с обеих сторон несколько выше угла рта на середине щеки. По два ремня от этих бляшек шли к обоим отверстиям псалий и были там закреплены. Повидимому, для того, чтобы эти пары ремней не расходились, их скрепляли специальные бронзовые обоймочки с двумя отверстиями, найденные также по обеим сторонам морды. Ремни, шедшие от нащечных обоймочек вверх, достигали околушных бляшек, из которых поперечные ремни шли вокруг шеи и на лоб за уши. Все бляшки были одинаковы—округлы, с четырьмя отверстиями в нижней части. Эта форма была широко распространена в скифском уздечном наборе

¹ В. Grakov, *Monuments de la culture scythique entre Volga et les monts Oural* (ESA, III, fig. 12).

² М. Rostovtzeff, *Animal Style*, pl. VIII, 1.

От них отличалась лишь одна—левая околушная. Она представляла собой бронзовое подражание кабаньему клыку. Острие его было трактовано в виде клюва хищной птицы, а корневая часть была оформлена в виде оскаленной морды хищника (рис. 7).

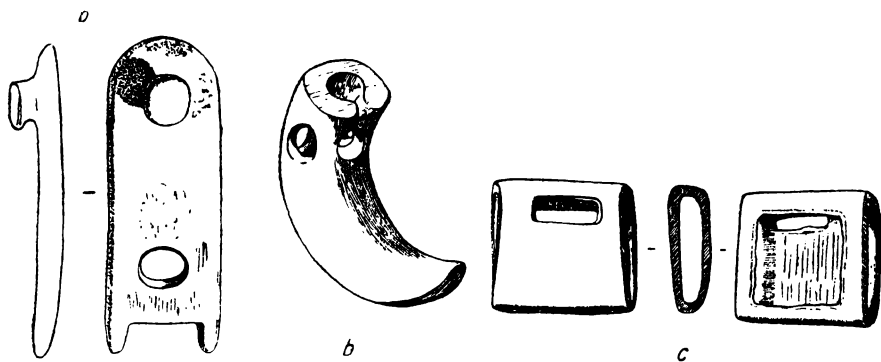

Рис. 5. Вещи из курганов у с. Туяхта (Алтай). 1/2 н. в.

Бронзовые бляхи в виде клыка кабана, украшенные так же, как туяхтинские, найдены в Минусинской котловине. Среди них есть почти точные аналогии и несколько вариантов¹, а также родственная форма, отличающаяся тем, что голова хищной птицы

как бы торчит из пасти длинномордого хищника². Аналогичный бронзовый клык найден в кургане конца V в. близ с. Блисменфельда, около Саратова³. Отсутствие подобных украшений в других областях Сибири и Востока еще раз подчеркивает близость майэмурского Алтая и тагарского Енисея. Эти бляхи, несомненно, представляют собой бронзовые подражания украшенным резным рисунком настоящим клыкам кабана. Мы уже отмечали, что неорнаментированные кабаньи клыки являлись характернейшим украшением майэмурских уздечек. Поскольку в тех же курганах найдено орнаментированное бронзовое подражание им, вполне вероятно наличие на Алтае в майэмурское время настоящих кабаньих клыков, украшенных резными изображениями морды хищника и клюва хищной птицы. Вид этих рисунков можно легко представить по аналогии со знаменитыми резными клыками, открытыми Б. Н. Граковым в савроматских курганах конца V в. около с. Блюменфельд, близ Саратова⁴.

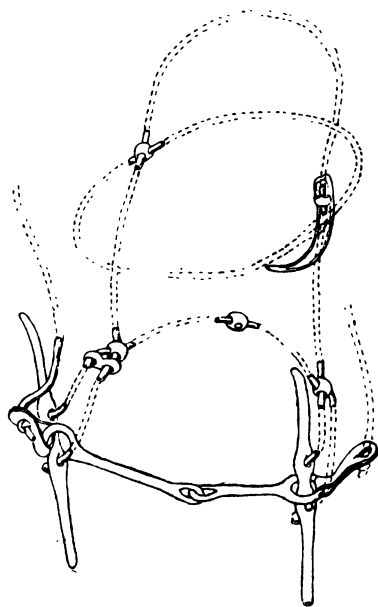

Рис. 6. Уздечка из кургана у с. Туяхта (Алтай). Схема.

В западное Приуралье ведет нас и другая более северная аналогия. В МАЭ хранится происходящая из Ананьина бронзовая привеска, также подражающая кабаньему клыку. Ее острие оформлено в виде клюва, но корневая часть изображает кабанью морду⁵.

¹ Хранятся в Минусинском музее, № 9297, 9296, 9294, 9303. См. А. Салмону, Sino-Siberian Art, pl. XVIII, 1, 2.

² Хранится в Минусинском музее, № 9291.

³ В. Граков, ук. соч., рис. 10.

⁴ В. Граков, ук. соч., рис. 19—21.

⁵ А. Салмону, ук. соч., табл. XX, рис. 12.

Костяные пряжки, найденные в туяхтинских курганах, все—без вращающегося замка, но с носком или кнопкой на передней дужке. Они сходны с тагарскими и майэмирскими бронзовыми. На Алтае они сохраняются и в позднейшее пазырьское время (рис. 5, а).

К сожалению, в туяхтинских курганах найдены обломки всего одного с о с у д а. Он имел баночную форму и был украшен горизонтальным рядом кружкового орнамента. Это связывает его с керамикой тагарского типа из Белореченских стоянок.

Ближайшую аналогию туяхтинским представляет курган, раскопанный в 1927 г. Руденко между сс. Вавилово и Заречное на р. Уде к востоку от Семипалатинска. Хранящееся в Семипалатинском музее описание раскопок позволяет достаточно ясно представить этот памятник. Как майэмирские и туяхтинские, Вавиловский курган

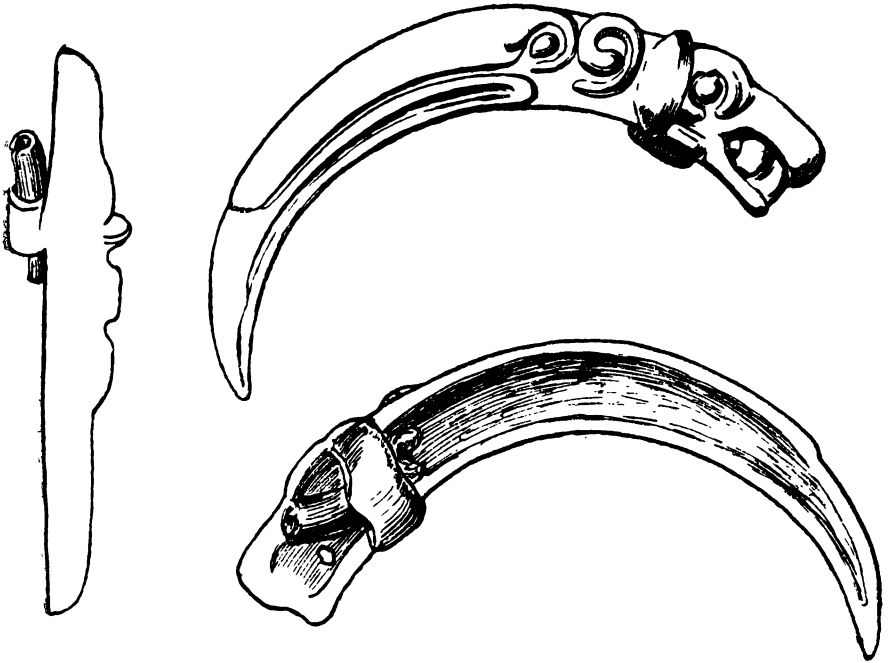

Рис. 7. Бляха от узды из кургана у с. Туяхта (Алтай), н. в.

был сложен из крупных обломков плитняка, пересыпанных землей. Под насыпью открылась квадратная яма (3×3 м), ориентированная стенками по странам света. Выстланное плитами дно ямы оказалось на глубине 1,75 м. Стенки ямы были укреплены горизонтально положенными бревнами, которые подпирали в углах вделанные в дно каменные столбы. Судя по их высоте в 1,36 м, очевидно, этого уровня достигали бревенчатые стены. Углы сруба были обожжены. Здесь за каменными столбами остались «пустоты, засыпанные золой». На дне ямы, в северо-западном углу, были найдены интереснейшие вещи:

Железный крестовый кинжал с крыльевидным перекрестьем. Кроме рукоятки, от кинжала сохранился острый конец клинка, заточенного на четыре грани. Кинжал очень близок к найденным в туяхтинских курганах. Он также массивен и более схож со скифскими и иранскими, чем с минусинскими (рис. 8, 15).

Му с а т с отверстием для привешивания тоже близок к майэмирским (рис. 8, 16).

Пояс сохранился лишь частично. На куске ремня—две бронзовых бляшки в виде римской цифры X, рядом—сердцевидная концевая бляха и овальная массивная обойма с четырехугольным отверстием, близкая к найденной в туяхтинском кургане № 6 (рис. 8, 17). Известный архаизм находке придает обломок бронзового ножа и такое же тонкое шило (рис. 8, 18, 19). Железный к р ю к туяхтинских курганов заменен здесь

прекрасным бронзовым, имеющим ряд аналогий среди минусинских бронз (рис. 8, 20)¹. Рядом лежало сломанное бронзовое зеркало с ушком сбоку (рис. 9, 24). Форма его совершенно оригинальна. Оно несходно с ранними дужковыми зеркалами. Оно отличается и от позднейших медалевидных, тем, что не имеет прорезного ушка. Более всего к нему приближается зеркало из кургана № 1 близ Покровки (под Оренбургом) V—IV в. до н. э. (рис. 21)².

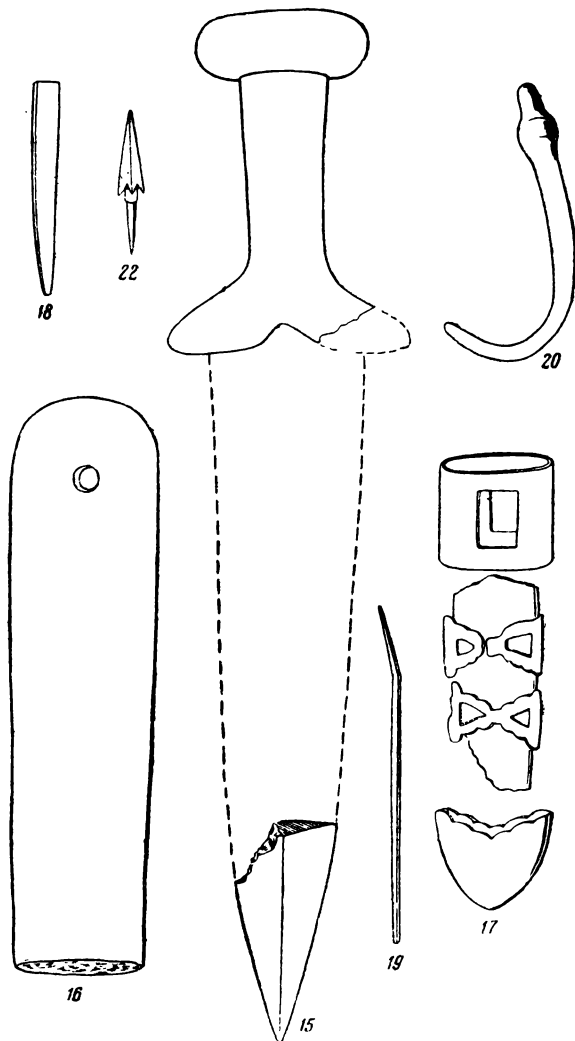

Рис. 8. Вещи из кургана у с. Вавилово близ Семипалатинска. 1/3 н. в.

Несколько поодаль, ближе к середине западной стенки, лежали пять бронзовых черешковых трехгранных наконечников стрел (рис. 8, 22). Сравнение их с майэмирскими и раннетагарскими обнаруживает значительное отличие. Оно заключается в большей вытянутости пера, в плоскости его граней с глубокими вырезами в основании и в наличии у черешка в верхней части цилиндрического утолщения, как бы имитирующего выступающую между шипиками втулку.

¹ Хранится в Минусинском музее, №№ 9295, 9292, 9302, 9303.

² МАР, № 37, табл. VI, 35.

Всеми этими особенностями наконечники из вавилонского кургана ближе не к древнейшим майэмирским, но к найденным под Оренбургом у с. Покровки в кургане № 2 V—IV вв. до н. э.¹

Также несколько особняком, ближе к середине северной стенки могилы, лежали золотая витая гривна (рис. 9, 23) и золотая пластинка в виде головы хищной птицы с загнутым клювом, покрытая прорезами «спирально-вихревого» орнамента (рис. 9, 24). Этот орнамент получил широкое распространение в позднейшее время в конце 1 тысячелетия до н. э. Однако время возникновения его очень древне. Тот его вариант, который постоянно украшает кнопки ручек тагарских зер-

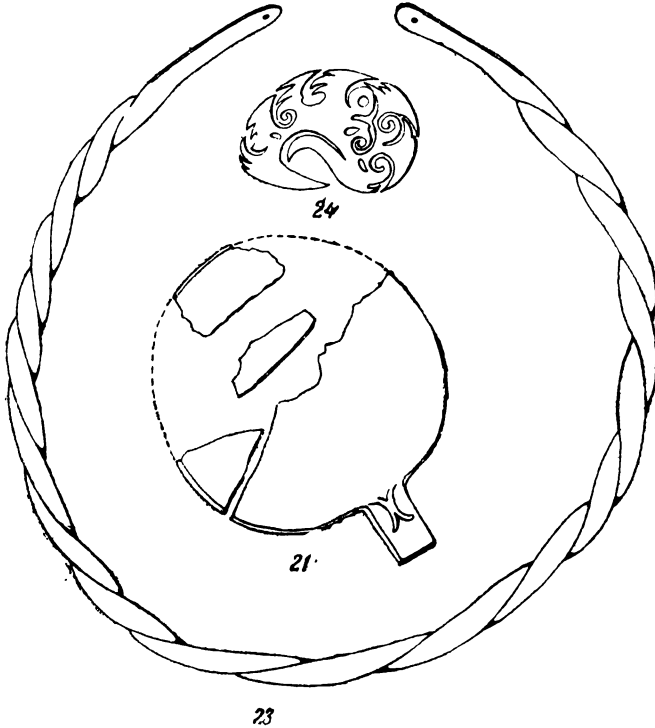

Рис. 9. Вещи из кургана у с. Вавилово близ Семипалатинска. 1/3 н. в.

кал², впервые можно увидеть на кнопках ручек священного китайского сосуда для возлияний, относящегося еще к 1200 г. до н. э.³ Среди специалистов китайское происхождение сибирского «вихревого» орнамента не встречает возражений. Вместе с тем в золотой пластинке с «вихревым» орнаментом из вавилонского кургана нельзя не видеть признака возникновения новых приемов украшения, которые получают широкое распространение на Алтае в последующее пазырыкское время.

Подытоживая рассмотрение туяхтинских и вавилонских находок, можно сказать следующее.

Все эти курганы конструктивно представляют одну группу с майэмирскими. Однако встреченные в них вещи говорят о более позднем времени. На это же указывают находки значительного количества железных изделий. Если майэмирский инвентарь может быть датирован по аналогии со скифскими древностями VII—V вв. до н. э., то туяхтинский и вавилонский относятся к V—IV вв. до н. э. Это майэмирская

¹ МАР, № 37, табл. VI, рис. 22.

² Хранится в Минусинском музее, № 4605, 4607, 4608, 4622, 4632.

³ Exhibition of Chinese Art, Mills College, 1934, pl. 5.

стадия, близкая савроматской культуре, которую мы знаем в Приуралье и Поволжье по находкам в Покровке и Блюменфельде. На Енисее ей соответствует начало II стадии тагарской культуры. Для этого времени в Южной Сибири можно отметить одну особенность. При богатстве звериных мотивов в орнаменте еще господствуют местные принципы стиля. Поэтому и с Западом заметны соответствия лишь в пределах собственно скифских (общестепных) архаических форм. Следующая, пазырыкская ступень покажет проникновение на Алтай новых, скифо-сакских, образов, проникнутых мотивами восточного эллинизма.

Сравнение майэмирского Алтая с тагарским Енисеем обнаруживает много сходства между ними, но также и много различий. На Алтае, например, явно быстрее вырабатываются новые формы орудий. Тагарские железные кинжалы еще долго будут воспроизводить свои бронзовые прототипы, придерживаясь даже их «грацильных» пропорций. Железные кинжалы Туяхты и Вавилова уже в начале железной индустрии на Алтае выделяются по совершенно новым принципам, приближаясь в этом отношении к скифскому Западу и ирано-сакским образцам. То же приближение к скифскому обнаруживается и в погребальном обряде. В майэмирских курганах, ранних и поздних, господствует погребение с конем, совершенно не известное тагарским курганам Минусинской котловины.

Палеоантропологическое изучение останков, обнаруженных в тагарских (на Енисее) и майэмирских (на Алтае) курганах, дало очень интересные результаты. И в той и в другой серии Г. Ф. Дебеч констатировал исчезновение карасукских черт, прослеживаемых лишь в немногих изолированных группах на Енисее (например среди находок в сыдинских курганах). На Енисее и на Алтае вновь встречен антропологический тип, близкий к старому, афанасьевско-андроновского времени. Однако на Алтае уже в V—IV вв. началось проникновение новых этнических групп. В кургане № 6 Туяхты основное погребение принадлежало мужчине с резко выраженными монголоидными чертами. Наиболее вероятно его южное происхождение.

К сожалению, мы совершенно не знаем древнейшей северо-западной Монголии, столь близкой Алтаю. Однако то, что известно благодаря исследованиям А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова о Тувинской автономной области—территории, наиболее близкой к Минусинской котловине, показывает явное родство с Алтаем. Для VI—IV вв. там часты погребения с конем, значительно количество железных изделий, велики и вещевые аналогии. Черешковые стрелы, найденные в погребении у с. Успенского¹ и в курганах на левом берегу р. Бегре², равно как и найденные там же и в урочище Улук-Ковы³ мусаты и втоки, особенно близки к алтайским. То же можно сказать о конском уборе. Наборы из кургана № 34, раскопанного в 1927 г. у с. Туран, так же как и туяхтинские, состоят из железных и бронзовых кольчатых удиц и многочисленных кабаньих клыков, украшавших уздечные ремни. Сходны и бронзовые конические бляшки, нанизанные на ремни и округлые обоймы, прикрывавшие скрепления⁴. Енешний вид виденных нами тувинских курганов также особенно близок к алтайским.

Такая близость тувинских древностей к алтайским, несмотря на соседство их с Минусинской котловиной, не случайна. Она указывает на наличие восточных связей Алтая и южнее Саян, с областями, откуда в первую очередь могли проникнуть представи-

¹ Раскопки С. А. Теплоухова. Хранится в Этнографическом музее в Ленинграде, № 4566.

² Раскопки А. В. Адрианова в 1915 г. Хранится в Томском университете.

³ Раскопки С. А. Теплоухова 1927 г. Хранится в Этнографическом музее в Ленинграде.

⁴ Раскопки С. А. Теплоухова в 1927 г. Хранится в Этнографическом музее в Ленинграде, № 4747.

тели того монголоидного типа, который был обнаружен в туяхтинском кургане № 6. В последующее время через Туву и Северную Монголию будут развиваться этнические и культурные связи Алтая с Центральной Азией и Дальним Востоком.

Это, конечно, не ослабляет крупнейшего значения для майэмирского Алтая тагарского центра на Енисее. Керамика, бронзовые орудия и украшения Алтая в майэмир-

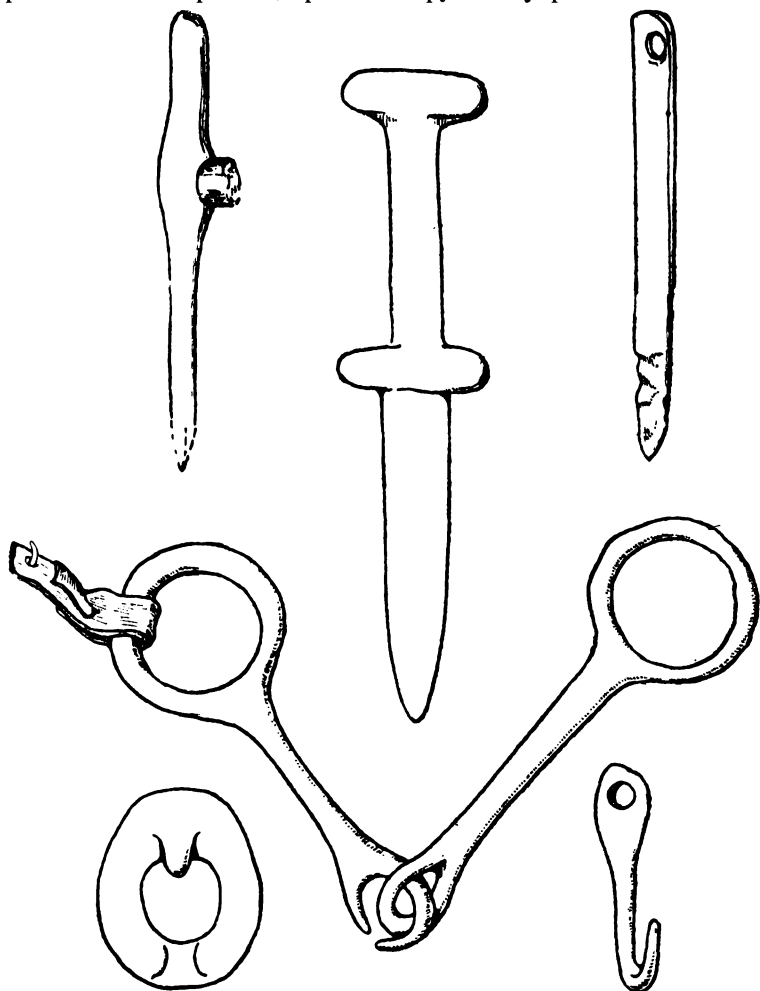

Рис. 10. Вещи из курганов на урочище Арагол (Алтай). 1/2 н. в.

ское время целиком зависят от тагарских образцов. И позднее, уже в пазырыкскую эпоху, можно проследить эту связь. В исследованных в 1927 г. курганах на урочище Арагол, наряду с уже знакомыми нам по Туяхте бронзовыми удилами и крюками от колчана, найдены бронзовые ножи, миниатюрные крестовые кишжалы и проушные клевцы, типичные для второй половины второй стадии тагарской культуры (рис. 10). Однако наряду с ними получают в это время распространение новые формы, указывающие на иные направления связей алтайского населения, начиная с конца IV в. до н. э.

Среди вопросов, возникающих при изучении древностей Южной Сибири в скифо-тагарское время, все большее значение приобретают соотношения с бронзами Суйюани. Поразительные совпадения в технике и формах вещей, а также в идеоло-

гии изображений, заставляют предполагать наличие постоянных связей. Однако почти полное отсутствие раскопочного материала препятствует пока выяснению хронологии, а следовательно, и направления сношений.

Забайкалье за 30-е годы было предварительно обследовано экспедицией Г. П. Сосновского¹. Собранные данные позволили классифицировать древности, современные тагарской эпохе. При этом выяснилась одна существенная деталь. Бронзы Селенгинского района, несмотря на общую близость к тагарским, отличаются теми же особенностями, которые характерны и для красноярских изделий раннетагарского времени. Очевидно последние не представляют собой узко-локального явления, но отражают особенности в культуре широких районов на границе азиатских степей. Изучение кинжалов и ножей, найденных Г. П. Сосновским в ранних, так наз. «плиточных» могилах Забайкалья, как будто открывает и основы этих особенностей.

Как и в Красноярском районе, на Селенге в раннетагарское время еще сохранялись некоторые карасукские черты, быстрее изжитые в Минусинской котловине и, повидимому, в Ордосе. В самом деле, кинжалы из ранних «плиточных» могил еще сохраняют признаки выемчато-эфесовых, а тяжелые ножи еще очень близки к карасукским. Лишь позднее, с IV в. до н. э., в Забайкалье распространяются новые формы. Однако общий облик культуры с этого времени начинает изменяться уже в ином направлении. Забайкалье становится более близким Алтаю, чем Минусинской котловине. Это связано с крупнейшими изменениями в истории и культуре всей Средней Азии в IV—III вв. до н. э.

Раннетагарское время явилось тем периодом в истории Сибири, когда вновь расширились культурные связи. Черты общности культурно-исторического развития мы прослеживаем еще в афанасьевское время. Андроновская эпоха отличалась еще большим сближением Востока и Запада евразийских степей. Сходства андроновских памятников со срубными, их необыкновенное территориальное расширение особенно замечательно. В карасукское время в это развитие были включены новые важнейшие компоненты севернокитайской цивилизации. Несмотря на ограниченное распространение собственно карасукских комплексов, карасукская бронзовая индустрия, столь тесно связанная с достижениями дальневосточных металлургов, способствовала расцвету бронзы на широчайших пространствах Сибири, Урала и Среднего Поволжья. При этом всюду были использованы местные традиции и среди них древняя звериная орнаментация. Ее великолепные образцы именно в это время с исключительным единством стиля одинаково блистали в степях Ордоса, на берегах Байкала и Енисея, в горах Алтая и Урала и у слияния Волги и Оки.

Тогда была подготовлена почва для нового этапа историко-культурного развития древнего населения СССР. Он отличался еще большей общностью. Скифы на западе, савроматы Поволжья и Южного Приуралья, массагето-сакский мир Средней Азии, динлины—майэмирские и тагарские племена Саяно-Алтая, население Прибайкалья, Монголии и Ордоса—пользовались одним оружием, одинаковой конской сбруей, сходными украшениями и увлекались одними образами и настроениями в искусстве. Их различали местные особенности—сила эллинского, малоазийского, иранского или китайского воздействия и степень общественного развития. Но это не могло ослабить исключительной близости их культуры. Великий пояс степей уже тогда соединил Восточную Европу и Северную Азию единством идей и судеб.

С. В. Киселев

¹ Г. П. Сосновский, Ранние кочевники Забайкалья, «Кр. сообщения ИИМК», вып. VIII, стр. 36 и 42; его же, Плиточные могилы Забайкалья (Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитажа, вып. I, Л., 1944).